

Елена
РОДЧЕНКОВА

г. Санкт-Петербург

Сказка
про
волшебную
хрустальную
шишку

Холодной, голодной, лютой зимой в тёплом дупле старой высокой ели бабушка Белка укладывала бельчат спать и рассказывала им сказки.

— Бабушка, мы кушать хотим, — плакали бельчата.

— Потерпите, детки. Утро настанет — мы пойдем искать шишки и сухие грибы.

— Бабушка, мы уже вчера искали и ничего не нашли. И сегодня искали, и тоже ничего не нашли. И завтра не найдём.

— Потерпите, детки, завтра найдем. Утро настанет, солнышко встанет, мы пойдём в

дальний лес и обязательно найдем там что-нибудь вкусное. А пока послушайте сказку... — бабушка Белка снова принялась рассказывать одну и ту же сказку.

Бельчонок Лютику стало скучно. Потихоньку и незаметно вылез он из дупла, сел на веточку и стал думать, как бабушке Белке помочь. Где еду найти? Вдруг слышит: кто-то внизу в сугробе разговаривает:

— ...И вот растёт эта волшебная хрустальная шишка с серебряными зёрнышками как раз в том бору, где лиса в капкан попала...

Бельчонок Лютик затаил дыхание и неслышно подобрался поближе. Видит: в лунном свете зайчиха с зайчонком разговаривают, прижались друг к дружке, дрожат от холода, слабые от голода. А зайчиха шепчет:

— ...Семена у этой шишки невкусные, жёсткие, серебряные. Но они волшебные — одно зёрнышко проглотить и целый месяц — от луны до луны — сыт будешь, здоров будешь, силен будешь...

— А кто вам это сказал? — не выдержав, изумлённо воскликнул с ветки бельчонок Лютик. — А вдруг это правда? Кто вы?

— Мы зайцы из берёзовой рощи. Пришли найти что-нибудь покушать. Я зайчиха Луша. Мой зайчонок очень ослаб, у нас голод...

— А я бельчонок Лютик. Мы тоже голодаем. Бабушка Белка рассказывает нам сказки, чтобы мы забыли о голоде и уснули до утра, но мне не спится. А ваша сказка мне нравится.

— Это не сказка, Лютик, а правда! Есть такая хрустальная шишка! — воскликнула зайчиха Луша. — Лиса Фиса попала в капкан, она просила освободить её, а взамен покажет, где растёт эта шишка.

— Что же вы не освободили её?

— Нам нельзя подходить к ней, она нас съест.

— Лиса хитрая, она могла сочинить эту сказку, чтобы вас подозвать, — сказал Лютик. — Но всё-таки вдруг это правда? Пойдёмте к волку, попросим его освободить лису Фису. Нам очень всем нужна такая хрустальная шишка!

— И к волку нам нельзя. Он тоже нас съест, — печально сказала зайчиха Луша.

— Можно! Можно! — закричал зайчонок. — Мы в кусты спрячемся, а бельчонок сверху его попросит освободить лису из капкана.

И отправились они волка искать. Бельчонок с

ветки на ветку прыгает, зайцы внизу по насту бегут, а где волк — никто знать не знает.

Вдруг слышат: грустный вой на весь лес раздается — волк на луну воет. Подошли поближе. А в лунном свете волк в прорубь попал, сидит, лапами за ледяные края держится, то повоет, то зубами постучит, то снова повоет — замерз уже совсем.

— Дяденька Волк, а дяденька Волк! — крикнул сверху бельчонок Лютик. — Не могли бы вы помочь освободить из капкана лису Фису, а то мы не можем. За это она покажет нам, где растёт хрустальная волшебная шишка с серебряными зёрнышками.

— Не могу, я в прорубь попал, — ответил Волк. — Мне не выбраться никак. Весну жду, лёд растает — я выберусь.

— Дяденька Волк, ты же до весны замёрзнешь.

— А что делать? Ничего не поделаешь. Я терпеливый. Потому и жду. Я сижу, и лиса пусть тоже в капкане сидит. Зачем лису освобождать? Пусть она терпит. Я ведь сижу в ледяной воде — и она пусть тоже сидит! Не спасай ее, бельчонок.

— А ты попробуй вылезти, дяденька Волк! — крикнул Лютик.

— Сколько раз уж пробовал — никак не могу. Лапы скользят, вода не отпускает. Теперь уже и хвост ко дну примерз, наверное. Или рыбы на нём поселились. Не могу пошевелить хвостом. Совсем не вылезти. Буду весну ждать.

— Мы Медведя позвём, он вытащит вас, дяденька Волк. А вы поможете потом лисе Фисе? — придумал бельчонок Лютик.

— Отчего не помочь, если вылезу — помогу.

Побежали бельчонок и зайцы искать Медведя. Нашли берлогу, постучались, Медведя разбудили. Он голодный, злой, рычит, сердится.

— Дяденька Медведь, вытащите из проруби дяденьку Волка, а он за это вытащит из капкана тётеньку лису Фису. А она за это покажет нам, где растёт волшебная хрустальная шишка с серебряными семенами.

— Зачем вам все это? — спросил Медведь.

— Мы голодные. Голод в лесу. А в шишке — волшебные зёрнышки.

— Я тоже голодный, лапу сосу. И вы сосите лапы.

— Дяденька Медведь, ну пожалуйста! — просил Лютик.

— Не пойду никуда. Мне холодно, пусть и волк тоже замерзает. И лиса пусть замерзает. Не хочу никого спасать. Мне голодно — и вы голодайте. Меня никто не спасает, и я не буду спасать.

— Ну, дяденька Медведь!.. — попросил и зайчонок.

— Не хочу и не буду! — прорычал медведь и повернулся на другой бок.

Побежали бельчонок Лютик и зайцы на опушку леса к лисе Фисе. Бельчонок с ветки на ветку прыгает, а зайцы не отстают — по насту бегут.

Прибегают к лисе, а лиса скулит от боли, твоякает, вокруг капкана скачет — хвост капканом зажат.

— Тётенька Лиса! — воскликнул бельчонок Лютик. — Не могли бы вы нам сказать, где растёт волшебная хрустальная шишка с серебряными зёрнышками? В лесу голод, звери очень голодают. Нам бы хоть несколько серебряных зёрнышек!

— Откуда ты знаешь про шишку? — насторожилась лиса Фиса.

— Зайцы рассказали.

— Освободи меня из капкана, тогда покажу тебе хрустальную шишку.

— Не могу, у меня сил нет! — ответил Лютик. — И зайцы не могут. Да нам и подойти-то к тебе нельзя — ты сразу нас съешь.

— Тогда позови кого-нибудь на помощь! — предложила лиса.

— Звал, но они не идут. Волк в прорубь попал, а медведь зол от голода, никому помогать не хочет.

— Ну так и я никому помогать не буду! Никому ничего не расскажу! — рассердилась лиса Фиса.

Расстроился бельчонок Лютик и поскакал с ветки на ветку домой. Зайчиха Луша с зайчонок внизу по насту бегут, луна светит, мороз трещит, ветки сухие пощёлкивают. Остановился вдруг бельчонок Лютик, сел на ветке, на луну смотрит, пригорюнился, не знает, как быть, чем бабушке Белке помочь. Вот придёт он в дупло — и что скажет?

Луна круглая, яркая, в небе чёрном висит, подмигивает бельчонку. Снег от лунного света искрится, сверкает, серебрится, наст будто алмазами мелкими весь посыпан. На еловых лапах теплые, пушистые, белоснежные шубки лежат, бриллиантовой крошкой припудренные, переливаются. Залюбовался бельчонок Лютик красотой и вдруг

видит — на снегу сноп серебряных лучей кружится, играет, танцует. Вверх посмотрел — откуда эти лучики? Хрустальная шишка!

— Ах! — изумился бельчонок Лютик. — Я нашёл хрустальную волшебную шишку!

— Неужели?! — обрадовались зайчиха Луша и зайчонок. — Где она? Где?

— Вот она! Сейчас я её принесу!

Бельчонок Лютик обнял тяжёлую шишку лапами и сорвал её с елки. Но шишка была скользкая, большая, тяжелая. Бельчонок не смог удержать её в слабых лапках — она упала вниз, с нежным хрустальным звоном разбилась о крепкий наст, и по блестящей белой снежной парче рассыпались острые осколки.

— Здесь семь серебряных зёрнышек! — счастливо воскликнула зайчиха Луша.

Они собрали их и разделили: одно съела зайчиха, одно — зайчонок, а пять зёрнышек взял бельчонок Лютик. Он отнёс их в дупло, отдал бабушке Белке и братцам. Те зёрнышки проглотили и сразу стали весёлыми, сильными и радостными.

Бельчонок Лютик тоже хотел свое зёрнышко съесть, но почему-то не решился. Сел в сторонке, в лапке держит его и думает, думает. Раскроет ладошку, на зёрнышко посмотрит и опять думает, думает...

— Кушай! — говорит бабушка Белка. — Целый месяц сыт будешь!

— До весны ещё два месяца. Но весна может быть холодной, — задумчиво сказал бельчонок Лютик.

— Кушай! — велела бабушка.

— Я потом... Потом, — сказал бельчонок Лютик, подпрыгнул, махнул хвостом и помчался в гущу леса.

Он бежал по веткам быстро, как ветер, и белые снежные шубки слетали с лап елей, словно лебяжий пух, а луна побледнела от холода, от белого снега и приближающегося рассвета.

Бельчонок постучался в дверь медвежьей берлоги.

— Медведь, просыпайся, я тебе зёрнышко принёс. Вот, кушай! Оно волшебное. Съешь его и будешь сыт, весел и силен целый месяц. Но только, пожалуйста, вытащи из проруби волка, а то я спать спокойно не смогу. Он же там замерзает.

Медведь зёрнышко съел и вытащил из про-

руби волка, а потом вместе они освободили из капкана лису Фису.

И медведь тут говорит:

— Я-то теперь сыт, а вот вы-то все голодные, небось. У меня в берлоге грибы сухие есть. Будете?

— Нет, не надо, — сказала лиса Фиса. — Я сорву свою хрустальную волшебную шишку с серебряными зёрнышками и накормлю вас.

Бельчонок Лютик заволновался, застеснялся:

— Мне неловко, тётенька Лиса, но шишку мы уже съели.

— Это не беда, — махнула лапой лиса Фиса. — Я всё равно не нашла бы её. Говорят, в лесу много таких шишек, но они показываются только тем, кто не бросает друзей в беде. Я вот ни разу таких шишек не видела. А ты, волк, видел?

— Нет, не видел, лиса, — сказал волк и спросил: — А ты, медведь, видел?

— Нет, не видел, — ответил тот. — А ты, бельчонок, поищи — может, снова найдёшь.

Бельчонок Лютик поднял голову и увидел три золотистых хоровода на белых шубках елей — три снопа золотистых лучиков. Глянул вверх. Ах! Целых три хрустальных шишки!

— Ура! — закричал бельчонок Лютик.

Он вскочил на макушку ели, сорвал шишки и скинул их вниз. Шишки разбились на звонкие острые осколки. Лиса Фиса смела хвостом с наста серебряные зёрнышки. Волк принялся их считать, а медведь зарычал на весь лес:

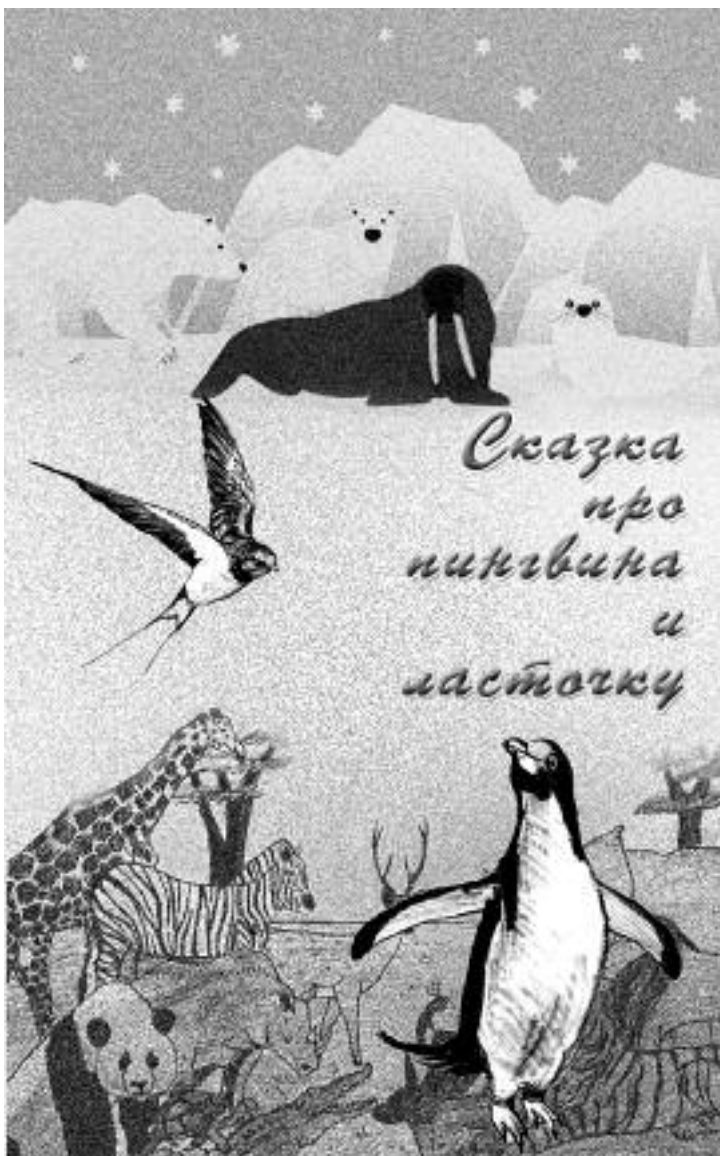
— Кто голодный в лесу — идите сюда, мы всех накормим. Мы в беде друзей не бросаем!

— Да, мы не бросаем друзей в беде! — сказал волк и съел одно зёрнышко. — Подходите, не бойтесь меня, я сыт, никого теперь не съем.

— Мы не бросаем друзей! — сказала лиса Фиса и тоже съела одно зёрнышко. — Зайцы, мышки, не бойтесь, я сыта. Идите за зёрнышками — я не опасна.

Тут из-под снега, из-за кустов, с ветвей деревьев — отовсюду потянулись к ним голодные, слабые звери и птицы.

А бельчонок Лютик сидел на верхней веточке и радовался. Ему было неудобно попросить для себя зёрнышко. Но он знал, что завтра он обязательно найдёт ещё одну волшебную хрустальную шишку. И в той шишке будут серебряные зёрнышки, которые никого не бросают в беде.

В одном зоопарке жил пингвин. Его привезли с далёких льдов Антарктиды. Все звери в зоопарке считали пингвина огромной ласточкой, которая отморозила на холоде кончики своих острых крыльев и хвоста и оттого растолстела.

Над пингвином все смеялись, он очень обижался и старался всем доказать, что никакая он не ласточка, а самый обыкновенный королевский пингвин, каких в Антарктиде очень много.

Но каждый день в зоопарк прилетали ласточки. Они начинали рассказывать одну и ту же ис-

торию про свою великую смелую прабабушку ласточку, которая решилась улететь в Антарктиду и там превратилась в огромную птицу, потому что ее заколдовал злой Ледяной колдун. Так он отомстил ей за отвагу и мужество.

Пингвин спорил с ласточками. Он пытался им доказать, что никаких ласточек в Антарктиде быть не может, потому что там очень холодно, что ласточки не умеют плавать в ледяной воде и ловить рыбу. Что червячков и зёрнышек там нет, а таких королевских пингвинов, как он, — миллионы!

Ласточки не верили ему. Они считали пингвина своим братом, очень жалели его, летали вокруг и щебетали:

— Братец, братец наш родной, Ластик! Несчастный наш пленённый брат!

Они приносили ему в клювиках угощения — зёрнышки и червячков, но пингвин Ластик был не рад их заботе. Часто угрюмый, он сидел в углу клетки, молчал, тосковал по родине и ни с кем не хотел разговаривать, кроме маленькой ласточки Дины. И то только потому, что она не говорила, а просто пела ему песенки. Он отвечал ей тихо:

— Красиво, Дина. Очень красиво...

А она пела ещё громче и тем утешала его.

Прослышала подземная крыса Тата о несчастном пингвине, превратившемся из нежной хрупкой ласточки в неуклюжего толстяка, и решила восстановить справедливость.

Крыса Тата ведала все подземные входы и выходы огромного города. Она видела в темноте, имела ключи от всех люков и лазов, знала наперечёт все подземные туннели, трубы, различала все провода.

Когда была необходимость сделать подкоп, помогал её слепой друг крот Пушок. Он был очень доверчив, и крыса Тата часто его обманывала. Велит рыть подкоп под клетку льва — Пушок роет, старается — думает, что льва освободит и, как герой, выпустит пленника на волю. Но оказывается вдруг, что льва в клетке нет, а подкоп он сделал в кондитерское кафе. Крыса Тата конфет и пирожных досыта наестся и говорит:

— Пушок, ты ошибся, не рассчитал. Мы вышли на поверхность мимо клетки. Возвращаемся назад.

— Как вкусно здесь пахнет! Где мы, Тата? — во-
дил носом слепой крот Пушок.

— Это мылом пахнет, Пушок. И шампунем. И
зубной пастой. Здесь баня, Пушок.

— Извини, Тата. Наверное, я повернул напра-
во, не рассчитал, ошибся... — виновато шептал
Пушок и принимался снова рыть землю.

— Ладно, ладно. Завтра продолжим. Давай
отдохнем. Я устала, спать хочу, — говорила
крыса Тата и укладывалась спать прямо возле
пирожных.

И вот крыса Тата решила освободить пингви-
на Ластика, отвести его по подземным ходам на
вокзал, посадить на поезд и отправить в Антарк-
тиду. Или в аэропорт, или в морской порт. Она
точно не знала, как лучше, но точно знала, что
так решила.

Ну уж решила, так решила! Велела кроту Пуш-
ку рыть подкоп под клетку пингвина. И всё
по-честному — именно под клетку пингвина!
Никаких пирожных и сыра! Пушок подкоп вы-
рыл, но пингвин Ластик уходить наотрез отка-
зался.

— Не могу, Тата. Дядю Васю накажут. Он меня
любит, рыбой кормит.

— Решайся, Ластик! Если что — вернёмся, —
уговаривала его крыса Тата.

Но Ластик не согласился. Нахохлившись и
спрятав голову под крыло, как огромная толстая
ласточка, он продолжал сидеть в углу своей
клетки и печалиться.

А сторож дядя Вася знал все звериные и
птичьи языки. И прослышал он, что пингвина
обижают. Сторож очень расстроился, потому
что по-птичьи хоть и понимал, а разговаривать
не мог. Медведю-то он сразу ответил: зарычал
страшным басом — и медведь больше не обы-
вался. И индюка отругал — загольготал, загур-
лил, мол, на себя-то ты посмотри сначала, не
был ли ты раньше драконом? Индюк сразу
притих. И маленькой зебре дядя Вася ответил:
как заржал, как забил ногой — мол, ты, зебра,
странная лошадь и странная полосатая тигри-
ца. Зебра так и села... А крокодилу дядя Вася
сказал, что он — от ящерицы. Просто его
чем-то накормили, какими-то витаминами,
потому так вырос. Крокодил от обиды плакал
всю ночь. И верблюду дядя Вася ответил, и бе-
гемоту нашёл что сказать, а соловьям и ласточ-

кам — не сумел, потому что по-птичьи не раз-
говаривал. И закончилось это тем, что весь зо-
опарк перессорился из-за пингвина Ластика.

Звери обиделись на дядю Васю и тоже не оста-
лись в долгу. Рассердились, корм из его рук не
принимают, голодают, в клетки свои его не пус-
кают. Как идёт дядя Вася утром их кормить —
кричат, режут, рычат, галдят, воют! Такой шум
поднимают, что посетители разбегаются!

Вызвали даже директора зоопарка, чтобы вы-
яснить, почему звери беспокоятся. Директор
звериного языка не знал, долго стоял в недоуме-
нии, крики слушал. Потом сказал посетителям:

— Звери дядю Васю любят, поэтому они его
так приветствуют!

Но сам сторож понимал, что ему объявлена
долгая война.

Пингвин Ластик очень переживал и не знал,
что ему сделать, чтобы все помирились и сно-
ва зажили дружно. Он несколько дней думал,
угрюмо слушал песни маленькой ласточки
Дины, а потом ушёл ночью по подземным хо-
дам с крысой Татой и кротом Пушком.

Шли они медленно, иногда приходилось
ползком пробираться по сырым узким ходам,
иногда плыть по грязной воде, лезть в тёмные
лазы, карабкаться по трубам. Но наконец-то
они вышли в метро.

Крыса Тата велела кроту Пушку оставаться в
тоннеле, потому что в метро его сразу заметит
и задержит полиция. Крот всплакнул на про-
щанье и пополз в свою норку.

Крыса Тата вылезла на перрон, спряталась
под лавку и стала выжидать, когда кто-нибудь
оставит без присмотра вещи.

Один мальчик, ожидая поезда, сел на лавку. Он
достал телефон и стал играть на нём. Крыса Тата,
незаметно стянув с лавки его куртку и шапку, во-
локом перетащила одежду на край платформы,
скинула на рельсы и прыгнула туда сама.

Пингвин Ластик надел куртку, шапку и стал
похож на маленького толстого мальчика. Крыса
Тата залезла в правый карман его куртки. Пинг-
вин потихоньку выбрался на платформу, сме-
шался с толпой и встал в сторонке ждать поезда.

Вдруг люди вокруг заволновались; глядя
вверх, они показывали пальцем, кричали.
Пингвин Ластик увидел, что под потолком
станции метро летает, мечется, как молния,

бьётся о стены и колонны ласточка Дина. Она кричит, плачет и зовёт его : «Братец! Братец!»

— Дина! — крикнул пингвин Ластик, заволновавшись и забыв об опасности.

Ласточка услышала его, подлетела, села на плечо и юркнула за воротник куртки.

— Куда пропала ласточка? Ах, куда она улетила? — удивлялись вокруг люди.

— Бегом на выход! Быстро! — скомандовала крыса Тата.

Пингвин Ластик побежал к эскалатору.

Целый вечер он шёл по городу в порт, согревая своим теплом крысу Тату и ласточку Дину.

— Мы поплывём в Антарктиду на корабле! Как это красиво! — радовалась ласточка Дина, сидя на плече Ластика.

— Ишь, куда собралась! — возмутилась крыса Тата. — Ты замерзнешь в Антарктиде и превратишься в толстого неуклюжего пингвина!

— Я всю жизнь мечтала побывать в Антарктиде! Я не оставлю братца Ластика! Даже если я стану такой, как он, не расстроюсь. Он очень красивый и добрый. Я его очень-очень люблю!

— Дина, хоть я не твой братец, но не брошу тебя. Будешь мёрзнуть — спрячу под своим крылом.

— А меня? — спросила крыса Тата.

— Ты должна остаться здесь, Тата, — сказал Ластик. — Ты здесь нужнее. Тебя крот Пушок ждёт. Не нужно тебе в Антарктиду.

И они распрощались. Крыса Тата юркнула в люк, а пингвин Ластик вместе с другими пассажирами зашёл на корабль. Билета у него никто не спросил: подумали, что это чей-то ребёнок. А на корабле они с ласточкой Диной устроились в запасной шлюпке на самой верхней палубе. Там было очень-очень холодно, оттого никто не заходил туда.

И поплыли они в Антарктиду — пингвин и ласточка.

О, это было восхитительное, потрясающее путешествие!

Ласточка Дина совсем не замёрзла под крылом пингвина Ластика. Наоборот, ей было жарко, отчего она пела прекрасные песни, а тысячи королевских пингвинов в Антарктиде слушали её. Потом Дина и Ластик решили вернуться в зоопарк и всё рассказать зверям, чтобы больше никто никого не дразнил, не обзывал и не обижал неправдой.

В одном курятнике среди обыкновенных кур жила необыкновенная курица Цаца. Она могла летать выше забора, выше яблонь и почти до облаков. Цаца очень гордилась своей способностью, все куры в курятнике завидовали ей.

Петух Пётр боялся, что когда-нибудь она все-таки улетит. Он заботливо давал Цаце самые лучшие зёрнышки, самых вкусных червячков, самые мелкие красивые камушки, поэтому другие куры ещё больше завидовали ей. А Цаца становилась всё толще и толще. Петух Пётр втайне надеялся, что, когда она совсем растолстеет, разучится высоко летать. Однако, даже потолстев, курица Цаца легко поднималась над курятником и кружила вокруг яблонь, оглушительно ку-дахча и хлопая крыльями.

Однажды возле курятника приземлился белый лебедь. Он летел на юг, отстал от своей стаи, потому что у него были слабые крылья. Петух Пётр разрешил лебедю попить воды из корытца, поест корма, отдохнуть перед дальней дорогой.

Пока лебедь пил, петух расспрашивал его:

– Лебедь, а что это такое – юг?

– Ах, дорогой петух Пётр, юг – это прекрасный солнечный мир, тёплый, сказочный, радостный и счастливый! Я так мечтаю снова попасть туда, но у меня очень слабые крылья...

– Оставайся у нас, перезимуешь, – предложил гостю петух.

– Нет, я полечу. Потихоньку доберусь один, а весной вернусь домой со своей стаей.

– Возьми меня с собой, лебедь! – воскликнула курица Цаца. – Давай полетим вдвоём! Я летаю лучше всех кур, ты не пропадёшь со мной! У меня очень сильные крылья!

– Нет, ты не сможешь долететь, потому что ты курица. Юг – это очень далеко, – сказал лебедь.

– Я смогу, смогу! – закричала курица Цаца, затопала лапками и захлопала крыльями.

– Я не разрешаю! Всем курицам велю сидеть дома! – вмешался петух Пётр. – Улетай, лебедь, не слушай ее. Она толстая и далеко не улетит.

– Я полечу! – настаивала курица Цаца.

– Нет! Не разрешаю! – рассердился петух Пётр. – А ты лети, лебедь, один.

Лебедь поел, попил, поспал, взмахнул крыльями и улетел на юг.

Несколько дней курица Цаца страдала. Она не пила, не ела, очень переживала, что лебедь не взял её с собой. И вдруг решила: разбежалась, взмахнула крыльями, взлетела над забором, над яблонями, над облаками и... полетела... полетела... полетела кругами... А потом расправила крылья и выровняла полёт.

– Куда?! Куд-куда?! – кричал петух Пётр.

– Куда ты?! Ну куда ты?! – кудахтали куры.

– На юг! – крикнула Цаца и скрылась за горизонтом.

Летела она, летела, махала-махала крыльями изо всех сил, а над ближним лесом стала вдруг снижаться, потому что курица Цаца была очень толстая. Правое крыло её свело судорогой, оно оттопырилось и перестало шевелиться, а левое беспомощно повисло, – и курица Цаца рухнула посреди болота на одинокую высокую кочку.

Она долго лежала, распластав крылья, и никак не могла отдышаться.

Вокруг была только чёрная болотная жижа, да по берегу бродила взад-вперёд рыжая лиса.

– Эй, курица, ты откуда здесь взялась? Ты живая?

– Живая... – отозвалась Цаца.

– Ну, лети сюда. Зачем ты там сидишь? Там опасно, утонешь!

– Я посижу тут, – сказала курица Цаца и крыльями обняла покрепче кочку.

Лиса бегала-бегала взад-вперёд и внезапно пропала.

– Сейчас позовёт кого-нибудь, придумают вместе, как меня достать. И съедят, – прошептала Цаца.

Курица попыталась приподняться, но кочка под ней зашаталась, и она стала сползать в воду.

– Лежи и не шевелись! – услышала курица Цаца.

– Кто это?

– Я маленький лягушонок. Сажу у тебя под носом. Видишь?

– Вижу, – заметила его курица Цаца. – Лягушонок, принеси мне, пожалуйста, что-нибудь поесть. Я ослабла от голода. Мне нужно несколько зёрнышек – и я снова полечу.

– Это болото, здесь нет зёрен, – сказал лягушонок.

– Но ведь это юг? – уточнила курица Цаца.

– А юг – это что? – спросил лягушонок

– Прекрасная, сказочная страна.

– Нет, наверное, здесь не юг. Здесь просто болото, – решил лягушонок.

– Как же мне вернуться домой? Я не могу тут лежать до весны – без зёрен.

– Лети, как прилетела. Крыльями-то маши – и полетишь, – торопил курицу Цацу лягушонок.

– Давай, пока Лиса тебя не съела или орёл. Если он заметит, что ты на кочке лежишь, тут же тебя лапами захватит и в свое гнездо унесёт.

И подумала тут Цаца, что лиса пошла звать орла. Испугалась курица, крыльями замахала и над кочкой взлетела, в небе тяжело развернулась и помчалась с громким кудахтаньем в сторону своего курятника.

Прилетела, кубарем через забор из последних сил перекатилась, чуть живая рухнула посреди двора и от счастья заплакала:

— Я вернулась, дорогие мои! Вернулась! С юга вернулась я!

Куры собрались вокруг, кудахчут, радуются:

— Как-то там? Туда-сюда, куда ты там? Быстро прилетела. Видно, недалеко юг. Может, и мы долетим? Как-то там? Куда-туда-то как-то там? На юге-то?

— Ничего там хорошего нет, куры. Грязно очень. Вокруг только лисы, лягушки, орлы, коршуны в небе летают. Они меня не тронули, конечно, но всё равно неприятно. Представьте только: на юге — всего одна кочка, на которой можно жить, — сказала курица Цаца.

Петух Пётр очень обрадовался её возвращению:

— Молодец, Цаца! То ли дело наш курятник! У нас всё есть, и наша жизнь прекрасна!

И куры согласно закудахтали от радости.

Прошла зима. А весной прилетел лебедь. Он снова отстал от своей стаи и летел домой один.

— Ах, несчастный лебедь! — жалели его куры. — Ну зачем тебе этот юг? Сидел бы ты дома или в нашем курятнике. Для чего ты мучаешь себя и летаешь в это болото?

— Я спасаюсь от морозов. На юге тёплое море, сказочные деревья, волшебный мир! Там хорошо! Там солнце! Я там очень счастлив. Но я люблю свою родину — север и лечу туда, чтобы жить одной жизнью со своей землёй, пока вновь не наступят морозы. Я очень скучаю по родному дому...

— Ты всё врёшь, лебедь! — закричал петух Пётр. — Мы знаем, что юг — это грязное лягушачье болото с одной-единственной кочкой! Это опасное место, где живут лисы, лягушки, коршуны, орлы, а ещё волки и хорьки!.. — добавил он.

— Нет, это не так... — попробовал возразить лебедь.

— Не перебивай меня! Ты нас не обманешь! — воскликнул петух Пётр. — Наша лучшая курица Цаца недавно посетила юг и всё рассказала нам. Мы верим своей курице. А ты нам чужой. И словам чужого лебеда мы не можем доверять.

Лебедь опечалился, склонил голову, но, подумав, согласился:

— Всё верно, петух Пётр. Иногда хорошо бы не видеть лучшее, чтобы радоваться тому, что есть. То есть не знать о том, чего у тебя нет, чтобы не потерять то, что имеешь.

Жили-были дед и баба. Не было у них ничего, кроме избушки, огорода, леса, речки и неба. Не было у них никого, кроме кошки Муси и мышки Люси.

Чтобы дед и баба от скуки не ссорились, Мусенька с Люсенькой посреди избушки играли в кошки-мышки. Дед смотрел и смеялся, а баба варила кашу и всех кормила.

Так и жили хорошо, но вдруг баба заболела и умерла. Плакали все вместе, горевали по бабе. Пришлось деду самому кашу варить, но она у него подгорала. Кошка Муся стала от голода

злой, играть с мышкой Люсей перестала и даже однажды чуть её не съела. Мышка обиделась и ушла от них.

Пошла куда глаза глядят. Шла-шла, набрела в лесу на другую избушку. Там старушка жила. Видно, что бедная. Ни крошки хлеба мышка Люсенька у неё не нашла. Увидела мешочек с крупой, дырку прогрызла, наелась! И так мышке понравилось грызть, что она ещё три мешочка прогрызла, хоть и не хотела больше есть. А потом кусок мыла погрызла, а потом – сапог, а потом – даже краешек стола. Едва остановилась, когда услышала, что хозяйка сердито ругается. Испугалась Люсенька и убежала.

Пошла дальше. Шла-шла, набрела в лесу на другую избушку. Хозяйка добрая, хорошая, бабушкой Ладушкой зовут. Мышку она сразу накормила, напоила, стала ласково называть Люсенькой-малосенькой, радовалась ей, полюбила всей душой. Сама крошку булочки не съест, а Люсеньке отдаст. Сама каплю молочка не выпьет, а Люсеньке нальёт. И хорошо бы так жить, но привязалась к мышке Люсеньке плохая привычка всё грызть. И сыта, и в тепле, и в любви, и в уважении живёт, а нет – дай ещё погрызть что-нибудь. Перегрызла мышка Люсенька у бабушки Ладушки все коробки, все мешки, все газеты, все книжки – всё, что увидела, что нашла, – то и перегрызла. Добралась до альбома со старыми фотографиями – и фотографии погрызла. Бабушка Ладушка уж на что терпеливая была, а тут заплакала. Жалко ей фотографий. Мама на них, папа, муж, что с войны не вернулся.

Стыдно стало Люсеньке-малосенькой, и ушла она от бабушки Ладушки. Вышла на большую дорогу, села на камушек и тоже плачет – зачем погрызла фотографии? Так хорошо, так ладно они с бабушкой Ладушкой жили. Разве мало было ей еды? Разве мало доброты и мира?

И рассердилась мышка Люсенька-малосенькая на свои зубки. Решила их сточить, чтобы они больше ничего никогда не грызли. Решить-то решила, а где наждак взять – не знает. К бабушке Ладушке вернуться стыдно, побежала в город – авось там наждак найдёт и сточит острые зубки.

Бежит, торопится, слышит гром позади. Обернулась – видит: конь телегу везёт, на телеге дед сидит, песни поёт. И вдруг дед замолчал. «Тпр-ру-у!» – кричит коню. Конь остановился,

дед с телеги слез, подпруту коню поправляет. А мышка Люсенька тем временем скок – на колесо, скок – с колеса на телегу, скок – с телеги в мешок, с мешка в сенцо – юрк! И притихла там. Дед коню говорит: «Но-о-о!» – и поехали дальше.

Едет Люсенька-малосенькая на телеге, радуется. Думает, уж как в город приедет, сразу найдёт там наждак или напильник и зубки свои сточит, станет доброй мышкой и будут они с бабушкой Ладушкой жить-поживать в чистоте и порядке.

А сено душистое! Люсенька терпела-терпела и не вытерпела, начала сено грызть. Пока ехали до города, всё пересекла острыми зубками. Потом и мешки погрызла, потом дедов овчинный тулуп, потом и к валенкам пристроилась – ну никак не остановиться!

Приехали в город, мышка с телеги по колесу на землю прыгнула, за камушек забежала, выльядывает, ухом водит – что там дед скажет?

А дед ругается на чем свет стоит! Жалко деду валенок и шубы. Сена не жалко, мешков не жалко, а шубу жалко. Пыхтит дед, кряхтит, сердится.

Расстроилась Люсенька-малосенькая – ну зачем же она деду шубу испортила? Не голодная же, сыта была, могла бы только мешки погрызть, а шубу не трогать. Ох, какие злые острые зубки у неё!

Побежала мышка Люсенька по городу напильник искать. Нашла мастерскую, там на столе и напильник, и наждак, и разные пилочки лежат. Примерилась Люсенька и так, и сяк, и эдак, попыталась зубки сточить, а не выходит. Ещё больше зубки чешутся, готовы напильник сгрызть, да он крепкий очень, не поддается, только скрип на всю мастерскую раздаётся.

Услыхала скрип старая крыса, выглянула из норки:

– Что же ты делаешь, глупая мышка? Разве можно быть такой неосторожной? Зубки надо беречь!

– Я хочу их сточить! Они очень острые! И непослушные.

– Какая возмутительная глупость! – ужаснулась крыса. – Разве ты не понимаешь, что зубки для нас – главное? Но, конечно, если ты любишь только кашу, то иди тогда к ветеринару, он тебе зубки сточит. А сама – не смей! Навредишь себе!

– А где ветеринар живёт?

– В Австралии.
 – А как туда пройти?
 – На самолёте лететь надо.
 – А что такое самолёт?
 – Заберись в чемодан моей хозяйки, она сегодня вечером в Австралию летит. Я это лично слышала, – посоветовала старая крыса.

Мышка Люсенька-малюсенькая в углу чемодана дырочку прогрызла, внутрь влезла, норку смастерила, забралась в неё и притихла. До самого вечера просидела, не шелохнулась, хотя ей очень хотелось что-нибудь погрызть.

Вечером слышит: загремело всё вокруг, зашаталось, заколыхалось. Люсенька-малюсенькая за шнурки ботинок в темноте ухватилась, лапками в каблучки туфель уперлась и едет. Трясёт её, подбрасывает. Страшно, темно. Потом вдруг загудело, засвистело всё вокруг, стало очень холодно, но чемодан трясти перестало.

Люсенька-малюсенькая любопытна: в щёлочку выглянула, а под чемоданом – другая тонкая щелочка светится. Посмотрела в неё – вот ужас! Внизу – моря, океаны, облака, горы, – как в телевизоре у бабушки Ладушки иногда показывают.

В небе летит Люсенька-малюсенькая! В Австралию! К ветеринару! А в небе холодно! Но так красиво! Глаз не оторвать – такая красота! Люсенька даже заплакала от восторга и про зубки свои забыла, даже из чемодана вылезла. А зубки – тоже, видать, от радости – начали всё подряд грызть: и сумки, и пакеты, и чемоданы, что рядом лежали.

Посмотрит Люсенька в щёлочку на красавицу Землю – и снова давай грызть чужие чемоданы и сумки. Посмотрит – и опять грызёт.

И вот приземлились в Австралии. Люсенька в свой чемодан забралась, сидит ждёт, когда откроют и можно будет потихоньку выскользнуть. Слышит: ругаются пассажиры, кричат, сердятся, требуют у лётчиков объяснить причину, почему все сумки и чемоданы испорчены. А лётчики и не знают.

Люсенька снова всхлипнула от обиды! Опять её зубки всем навредили! Скорее бы ветеринара найти! Но Австралия большая, и где ветеринар живёт – неизвестно.

Выбралась Люсенька незаметно из своего чемодана, между сумок пробежала, в дырочку юркнула, по длинным коридорам в туннель

пробралась, из туннеля пролезла в люк, по трубе вскарабкалась и очутилась наверху.

Солнце яркое, жаркое, слепит до слёз! И видит сквозь слёзы Люсенька-малюсенькая: огромная гора к ней скачет, а из горы маленький зверёк выглядывает, лапкой ей машет, кричит:

– Ты на самолёте прилетела?

– На самолёте, – отвечает Люсенька. – Я мышка Люсенька-малюсенькая из деревни Коньково, а ты кто?

– А я кенгурёнок Гулёк. Лезь сюда, ко мне, в мамин карман, если ты туристка, я тебе всю Австралию покажу. Моя мама – кенгуру Гора, самый быстрый в мире скакун.

– Мне нужно срочно к ветеринару зубки сточить. Иначе я всю вашу Австралию сгрызу.

– Не сгрызешь, – сказал кенгурёнок Гулёк. – Австралия большая. Лезь сюда, я скажу тебе, когда выходить. Ветеринар живёт возле леса.

Забралась Люсенька-малюсенькая в карман мамы кенгуру Горы, и поскакали они все вместе Австралию смотреть.

Много где побывали, много повидали удивительного, а потом у Люсеньки-малюсенькой снова зачесались острые зубки. И она, не дождавшись остановки возле леса, ночью прогрызла карман мамы кенгуру Горы и вывалилась прямо в густую траву.

Тогда и поняла, что снова поступила плохо, убежала от своих друзей и заплакала от стыда и отчаяния. Долго мышка Люсенька-малюсенькая бродила по Австралии, пока не встретила лесного кролика. Он и привёл её к ветеринару.

Ветеринар Люсеньку увидел, спрашивает:

– Кто тебя сюда привёз?

– Самолёт.

– Разве тебе дома плохо?

– Доктор, сточите мне зубки! Стыдно сказать, сколько вреда я всем причинила, а особенно – бабушке Ладушке. Потому что она живёт очень-очень бедно, а я у неё и последнее перегрызла. Бабушка Ладушка очень одинокая, а я сгрызла даже старые фотографии, на которые она смотрела каждый вечер. Мне очень стыдно. Мои зубки не слушаются меня. И ещё я погрызла сумки в самолёте. А потом мама кенгуру Гора катала нас с кенгурёнком по Австралии, а я прогрызла в её кармане дырку. Теперь кенгурёнок Гулёк может вывалиться...

– Хорошо, я сточу тебе зубки. Но как же ты будешь кушать?

– Я буду кушать, как моя бабушка Ладушка: кашку, творожок, печёные яблочки. Вот и я так хочу. Она никому вреда не приносит. Вот и я так хочу. У неё зубки не чешутся, у неё зубок нет. Вот и я так хочу.

– Ладно, – сказал ветеринар, – выполню твою просьбу.

Ветеринар ей зубки острые сточил, билет на самолёт купил, в специальную сумку посадил, в аэропорт отвёз и лётчикам отдал. А лётчики в Россию, в деревню Коньково позвонили, чтобы встречали Люсеньку-малюсенькую.

А встретили её очень важные военные люди, серьёзные и молчаливые. Они на чёрной машине отвезли мышку в лес к бабушке Ладушке и даже подарили на память мешок чёрных сухарей и полмешка – белых. Сказали: на тот случай, если чай не с чем будет пить. Например, если не будет каши, творожка и печёных яблочек. И ещё сказали, что сухари очень сухие, их нужно в чае размачивать, чтобы зубы не повредить.

Бабушка Ладушка военных поблагодарила и за Люсеньку-малюсенькую, и за сухари, и за советы, и сказала на прощание:

– Зубам нашим вреда никакого быть не может, потому как нету у нас зубов. А за сухари спасибо, чаю у нас вволю. Душистые целебные травы в лесу собираем. И яблони у нас есть. Яблочек у нас много, напечём, сколько захотите. Так что заезжайте в гости, рады будем!

Аист Лист был самым трудолюбивым аистом на всей северной земле. Он без устали носил в клюве младенцев. И Господь только ему доверял близнецов, тройняшек и ещё особых детишек с хрустальными огненными душами.

У аиста Листа были мощные крылья и железный клюв, сильная грудь, крепкие лапы, непоколебимая воля, спокойный нрав и безграничная ответственность, поэтому Бог ему доверял.

Днём и ночью аист Лист приносил детей в дома, стучался краешком крыла в окно, укладывал осторожно ребёнка на крылечко и торжественно взлетал на крышу. Оттуда он счастливо наблюдал, как открывалась дверь, из дома выходили изумлённые родители, находили божий подарок и уносили его домой.

Однажды аист Лист летел рядом с журавлиной стаей.

– Листик, хватит тебе работать, летим с нами на юг! Ведь ты никогда не видел море, никогда не ел крабов и устриц. Отдохни! – звали журавли.

Аист Лист покачал головой и повернул от них направо.

На другой день он встретил стаю лебедей.

– Листик, ты всё трудишься? Какая тяжёлая у тебя работа! Вот нам Бог не доверил такую ответственную работу. Зато мы свободны и прекрасны. И мы радуем людей своей красотой. Полетели с нами! Ты отдохнешь и тоже будешь красив, как мы. Посмотри, какой ты худой, изнурённый, усталый! – звали лебеди.

Аист Лист покачал головой и повернул налево от лебединой стаи.

На следующий день аист Лист встретил диких гусей.

— Листик, хватит тебе работать! Полетели с нами на юг, и ты увидишь, как прекрасна наша планета. Ты увидишь весь мир, узнаешь, как великолепна свобода! Ведь ты птица! Птица должна быть свободной!

Аист Лист помотал головой. Дикие гуси загоготали:

— Ты не можешь раскрыть клюв, иначе ребёнок упадёт. У тебя нет даже голоса! Ты потерял главное, что есть у птицы, — свободу и голос! Ты теперь не птица, ты — раб!

Аист Лист снова сурово помотал головой и стремительно полетел к земле. Там, в доме, ждали младенца папа и мама.

Но вдруг с аистом что-то случилось. Он круто развернулся в небе и полетел за дикими гусями, крича во всё горло:

— Я не раб! Я тоже птица! Но у меня такая судьба! У меня такой долг! У меня такая обязанность!

Клюв-то он раскрыл — ребёнок и выпал. Упал малыш в пышные кружевные еловые лапы густого леса, как в колыбель, и пропал там.

Аист Лист испугался, долго кружил над лесом, но не нашёл малыша. И так он расстроился, что помчался следом за стаей диких гусей! Потом аист возвращался к тому лесу, долго кружил над ним и наконец решил, что ребёнка кто-нибудь уже нашёл и забрал. Находят же детей в капусте — нашли, значит, и в лесу.

Тогда аист Лист успокоился и собрался ненадолго слетать на юг. Никто и не узнает, что он там был, ведь ненадолго отлучится, одним глазком огромный прекрасный мир посмотрит, попробует на вкус крабов — и вернётся.

Полетел аист Лист на юг. А Бог тем временем ангельские души деткам в тельца вдыхает, другим аистам малышей кричащих раздаёт, а особых детишек — с хрустальными огненными душами — в сторонку откладывает, — аиста Листа ждёт. Никому особых деток Бог не доверяет.

И вот лежат они, кричат — много накопилось, а аист Лист всё не летит и не летит. На юге фрукты клюет, плюётся — кислые, вязкие фрукты не нравятся ему. О крабы панцири весь клюв расшиб, размолотил; лапы об острые скалы поранил, щиплет раны солёная

морская вода. Ищет аист Лист на юге болото с лягушками — найти не может.

А его крылья на солнце стали сильнее, красивее — сверкают они, лоснятся. Летать аист Лист стал быстрее, но ни одной рыбы так и не поймал — больно вёрткая в море рыба, как головастики.

А в лесу тот потерянный малыш переполох устроил. На еловых лапах качался-качался, спал, а потом проголодался, да как заорёт! Кричит, надывается, будто понимает, что потерялся.

Белки из дупла выскочили — малыша успокаивают; зайцы примчались, под ёлкой пляшут — развеселить его стараются. Медведю доложили, что случилось такое дело — он мёду принёс. Стали мёдом малыша кормить, а он плачет. Бабочки вокруг порхают, малышу щёчки щекочут, расшемить хотят, а тот всё равно плачет.

Прибежали волки — беспокоятся: вдруг за ребёнком люди придут, а у людей ведь есть ружья. Просят волки белок: мол, дайте ему побольше медвежьего мёда — пусть молчит, а то наведёт беду на весь лес. Белки дали малышу ещё мёду, на еловых лапах покачали — вроде уснул ненадолго.

Ночью опять проснулся — и давай кричать! Видимо, замёрз. Подняли к малышу на ёлку пушистую лису — рядом положили, чтоб шубой своей грела. Пригрелся. Уснул. Мёдом причмокивает. Вроде тихо стало. Но лес не спит. Все как струны натянутые, как войско на изготовке, под ёлкой стоят, ждут сигнала...

— А-а-а-!!!

И опять: кто бегаёт, кто скачет, кто крыльями машет, кто просто лежит без сил и горюет. Тяжко зверям человеческий плач переносить — мучаются они от человеческого плача.

Стали звери оленя просить: отнеси, мол, ребёнка между своих рогов, как в люльку, в деревню, где другие люди живут. Не вырастить нам его самим, мы ведь звери.

А олень и рад бы помочь, но на дерево залезть не может.

Стали ночных мышей просить: подхватите ребёнка да положите оленю в рога, как в люльку, — пусть людям его отнесёт. Те попробовали: тяжелый — не поднять. И сове даже не поднять, и дятлу, и филину.

Малыш орёт на весь лес, аж душа у леса захочется.

Решили послать кого-нибудь на небеса к Богу,

спросить, что делать. Вызвалась синица, говорит:
 – Вдруг там очередь? Я маленькая, без очереди проскочу. Дело срочное, мне простительно.

Прилетает синица к Богу, без очереди проскочила, упала в ноги, спрашивает, как быть, что делать, когда ребенок постоянно плачет.

– Любить его, – отвечает Бог.

– А если всё равно плачет? Если чужой ребенок?

– Еще сильнее любить, – отвечает Бог.

– А если он – человек, а все вокруг – звери?

– Тогда я заберу его себе. Он из зверей людей не сделает, – сказал Бог и послал с синицей дежурного аиста.

Дежурный аист малыша забрал, Богу назад принёс, а в лес вернулись тишина и покой. Звери даже успели забыть о случившемся.

А весной с юга прилетел аист Лист. Он кружил над лесом, махал пышными лоснящимися крыльями и кричал громким голосом, звал малыша.

Белки из дупла выскочили, кулачками машут:

– Бессовестный! Где же ты раньше был?

– На юг летал. Там плохо, нет лягушек, а рыбу невозможно поймать. Очень вёрткие морские рыбы, как головастики, – ответил аист Лист белкам и спросил: – Не видели ли вы в лесу ребёнка?

– Мы даже разговаривать с тобой не хотим! Спроси у Бога! – сердились белки.

– Как же я к Богу полечу, если я ребёнка родителям не отнёс?

– А как хочешь, так и лети. Нам всё равно, – сказали белки и спрятались в дупло.

Прилетел аист Лист к Богу, лёг у ног его, плачет, кается: мол, уронил ребёнка и не нашёл.

– Когда? – спрашивает Бог.

– На днях.

– А где ты его искал?

– Везде.

– Искать нужно там, где потерял, – сказал Бог и велел аисту Листу быть обычным аистом: ловить лягушек, вить гнездо на столбе и летать по всему свету.

– Как хорошо теперь мне будет! – радовался аист Лист. – Я стану свободной птицей! Настоящей птицей счастья!

– Да, тебе станет известна цена счастья, – сказал Бог. – И ты поймёшь главное: счастье – это моё доверие. Тот, кто утратил моё доверие, обретает все краски мира, но теряет суровый, бесцветный холст – его основу. Лети, аист Лист, маши своими свободными крыльями, рисуй картины в небе.

□

Елена Алексеевна РОДЧЕНКОВА

родилась в г. Новоржеве Псковской области.

Окончила библиотечный факультет ЛГИК

и юридический факультет СПбГУП.

Работает адвокатом ГКА СПб.

Поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель.

Публиковалась в журналах «Наш современник»,

«Нева», «Москва» и многих других.

Лауреат всероссийских литературных премий

имени В. Белова, им. Э. Володина,

лауреат Международного конкурса

«Славься, Отечество!»,

автор более 20 книг.

Член Союза писателей России с 1997 года.

